

Е. В. Перевалова

ПРОБЛЕМЫ УГРОВЕДЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР

Этнография — наука, предполагающая сочетание интеллектуально-кабинетного труда с умением работать «в поле» и вести диалог с изучаемым народом. Исследователям, путешествующим по урало-сибирской тайге и тундре в XVIII — начале XIX вв., были присущи неустранимость, этнографическая интуиция, желание познать язык и культуру народа до мелочей, до тонкостей. Здесь уместно вспомнить трех воистину великих «полевиков».

Семнадцатилетний студент Василий Зуев был первым этнографом, достигшим устья Оби. Стремясь быть достойным своего учителя П. С. Палласа, он проехал северные тундры от Обдорского городка до Карского моря и Северного Ледовитого океана. А земля та была, по его же собственным словам, «столь дикая в своем звании и состоянии, сколь равным образом и дикими народами обитаема». Не зная языка, юный исследователь подробно описал быт и обычаи северных остяков и самоедов, дав удивительно точные этнокультурные характеристики двух народов.¹

Разносторонность научных интересов (лингвистика, мифология, этнография, археология), необъятность интересов этнографических (лопари, зыряне, марийцы, самоеды, остяки, тунгусы, буряты, хакасы, койбалы, камасинцы, коты, сойоты, карагасы, маторы, кеты) и географических (Лапландия, Канинская тундра, Тиманский кряж, Приполярный Урал, Обь-Иртышь, Саяны, Минусинская котловина, Енисей) определяют исследовательский потенциал автора концепции финского этногенеза и гипотезы происхождения самодийцев Матиаса Александери Кастрена. В его наблюдениях и рассуждениях сочетаются «чутье» полевика и талант исследователя, а его концептуальных построений хватило бы для отчета о многолетней работе не одному

академическому институту. При такой масштабности поражает конкретность собранных им материалов и их интерпретаций.²

В 1934 г., во время ямальско-казымской мандалады, на р. Аган — в районе, граничащем на северо-западе с Казымом, а на юго-востоке — с Вахом, где события разворачивались особенного остро, — оказался аспирант Института народов Севера Григорий Давыдович Вербов, проводивший экспедицию по поручению Комитета нового алфавита народов Севера. После 10-дневного пребывания среди самоедов и остяков молодого исследователя буквально стали выживать со стойбищ. Для выдворения непрошенного гостя использовались самые разные методы, вплоть до отказа сообщать какие-либо сведения по топонимике и везти на р. Пур, а после того, как Вербов «весьма недуманно убил лягушку»³, был даже объявлен день его смерти. Но и в такой неблагоприятной ситуации задача изучения самодийского языка и создания письменности была выполнена.⁴

Сегодня этнографы, то ли завидуя прославленным предшественникам, то ли тоскуя по временам, когда еще были живы «настоящие старики», все чаще говорят об информационной скудости поля. Вместе с тем полевые этнографические исследования и сегодня дают весьма значимый материал. С одной стороны, собирать его стало гораздо труднее, так как «поле» действительно год от года становится все более скупым: носителей традиционной культуры становится все меньше, и для получения информации требуется больше усилий. С другой стороны, коммуникативно-транспортная схема позволяет достичь заветного «поля» гораздо быстрее и с меньшими временными затратами. Полевую информацию можно собрать, не выходя из кабинета, воспользовавшись «факсом», мобильным телефоном или электронной почтой, а чтобы добраться с проводником до стойбища или

¹ См.: Зуева В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень, 1999. С. 117–223.

² См.: Кастрен М. А. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1: Лапландия. Карелия. Россия; Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849).

³ Серьезность проступка состояла в том, что в образе лягушки представлялась хозяйка р. Агана, богиня Охэн-ими.

⁴ Архив МАЭ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Вербов Г. Д. (1909–1942). 1929–1941. Л. 101–104 (8–10); Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 57–70; Он же. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. № 2. С. 43–65.

культового объекта, можно нанять «речное такси», обычно курсирующее между населенными пунктами.

Этнограф бережно относится к традиции, ему сложно отказаться от привычных и милых сердцу методов работы (наблюдение, интервьюирование и пр.). Но тщетно оплакивая уходящую традицию, он явно отстает от запросов времени, не видя перспектив развития этнографической науки. Вместе с тем внимательный взгляд в этноисторию, по замечанию А. В. Головнёва, обнаруживает динамику традиций и этничности, а консервативность общности и ее культуры оказывается лишь эффектом внешнего восприятия. Этничность, понимаемая как постоянно генерируемое явление, живой механизм (и код) социальности, в котором реализуется общность взаимопонимания, коммуникации и безопасности, особенно остро проявляется в измерениях внутреннего единения и внешнего диалога, в позициях лидеров, балансирующих на пограничье внутри- и внеэтнических ценностей и интересов. В системе идентичностей (включая гендерную, возрастную, родовую, классовую, территориальную, гражданскую, профессиональную и т. д.) этничность занимает ключевую позицию, ее внутреннее преобразование (состояние «дрейфа») связано со сменой эпох и идей, с комбинацией индивидуальных и групповых мотиваций.⁵

Проявление этничности, например, у испокон веку соседствующих и соперничающих друг с другом северных хантов и ненцев выражается не только в старинных преданиях, но и в сохраняющемся поныне противопоставлении двух культур. Современные трудовые коллективы на Севере, как правило, формируются по этническому признаку, а в смешанных группах конфликтные ситуации возникают на пустом месте. Не могут избежать неприязни даже представители научного сообщества. Как-то угощавшие гостей чаем ханты-сотрудники Научно-исследовательского центра (Салехард) просили меня, как нейтральное лицо, «сходить к ненцам за сахаром», так как даже такая банальная взаимопомощь между этноопозиционными группировками исключалась (ПМА, 2003, Нижнее Приобье). Наблюдение и интервьюирование как основные методы работы этнографа сохраняют лиди-

рующие позиции и сегодня, только исследовать приходится не само явление (традицию, этничность и пр.), а его динамику в условиях стремительной глобализации, а опрашивать не только стариков на традиционном стойбище, но и политиков, бизнесменов, представителей научной и творческой интеллигенции.

Современные технологии довольно быстро изменяют и/или разрушают традицию. Исследование этих процессов позволяют выявлять потенциальные возможности и адаптивность культуры. На стойбище Ефрема Сардакова на р. Ягур-Яун, кроме привычных для глаза этнографа срубной избы, лабазов, загорода для оленей, дровяника, летней кухни, вымощенной стволами сосенок тропинки к озеру и ставших уже привычными «гаража» для снегохода «Буран» и будки для электростанции, имелось одно непонятное сооружение. На ветвях растущей возле избы сосны одна под другой были устроены две дощатые площадки. По объяснению хозяина, верхняя площадка обеспечивала обитателям стойбища связь «Мегафон», нижняя — МТС. Среди «изобретений», вошедших в повседневную жизнь хантыйского стойбища, — использование хорошо впитывающих влагу гигиенических прокладок в качестве стелек для меховой обуви (вместо травяных или соломенных), отогревание двигателей снегоходов с помощью фена (ПМА, 2004, р. Аган). У оленеводов большой популярностью пользуется продукция «Амвей» (появились даже свои дилеры среди коренного населения), в частности различные чистящие и моющие средства. Хотя прежняя традиция очистки *вотлипом* (стружкой) полностью не исчезла, современные хозяйки предпочитают мыть, а не вытирать посуду. В чуме излишков воды нет (надо или принести ее из водоема, или растопить снег), поэтому моющий гель удобен. Но оленеводами было сделано «изобретение», по их словам, на одну позицию расширяющее заявленные и рекламируемые возможности продукции «Амвей»: биоактивный обезжиривающий гель эффективен для мездрения и все чаще используется для обработки шкур (ПМА, 2009, Нижняя Обь).

Локальным таежным сообществам, в отличие от кочевых мобильных, в большей степени свойственна устойчивость традиции, которая сохраняется за счет гибкости культуры. В 2010 г. при посещении старого кладбища юрт Неремовых между мною и моим проводником, манси Аркадием

⁵ См.: Головнёв А. В. Урал: перекресток и диалог культур // Историческая ураловедение и русистика на Урале и в Будапеште. Будапешт, 2012. С. 81–108.

Новьюховым, произошел любопытный разговор. Аркадий рассказывал, что на могиле его отца Н. С. Новьюхова, похороненного в 1950-х гг., был поставлен православный крест, хотя по мансийской традиции на старом кладбище хоронили «в домиках» и крестов не ставили. Я полюбопытствовала: «Не был ли отец крещен?» Собеседник ответил: «Нет, он был единственным в деревне коммунистом». Удивившись, я вновь спросила: «Зачем же коммунисту крест?» Ответ превзошел любые мои ожидания: «Да он подшаманивал немного, ему как коммунисту домик не могли ставить, а против памятника-obeliska бабки воспротивились, поэтому решили: пусть уж лучше крест будет». Эта невероятная история — свидетельство гибкости культуры, породившей «подшаманивающего» мансийского коммуниста, на могиле которого был водружен православный символ. Мотивом принятия решения, во избежание осквернения кладбища, стал выбор «наименьшего зла», т. е. православного креста вместо советскогоobeliska (ПМА, р. Большая Обь, 2010).

Характерный для большинства северных этнических сообществ, в том числе и для обских угров, религиозный синкретизм в новых условиях оборачивается неожиданными гранями. Религиозная двойственность в разных случаях одинаково легко истолковывается и как кара за двоеверие, и как возможность спасения, при этом отмечаются забавные интерпретации этого явления. Одна из моих хороших знакомых, придерживающаяся традиционных представлений и, в целом, «живущая по-хантыйски», поясняла мне соседство в избе на родовых угодьях прикладов для духов и православной иконы так: «Я по гороскопу телец, а у тельцов дух-покровитель — Николай Угодник» (ПМА, р. Аган, 2002).

Расширение научно-информационного поля этнографического исследования возможно благодаря введению дополнительного источникового корпуса или выбору «свежего» ракурса (особой методологии, оригинальных методик и новейших гуманитарных технологий). Материалы для угорской этнографии дают и смежные дисциплины. На исследуемых средневековых городках Северного Приобья в зоне вечной мерзлоты (Войкарский городок (городище Усть-Войкарское I), Надымский городок, могильник Зеленый Яр) археологи буквально «лопатой копают» этнографию: насыщенность и этнографичность

археологических слоев поражают воображение.⁶ Автор раскопок Войкарского городка Н. В. Федорова неоднократно приглашала этнографов на раскоп и в Музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шемановского для обстоятельной работы с коллекциями. Но до сих пор накопленные материалы не стали предметом разностороннего этнографического изучения: опубликованы только две небольшие работы, посвященные играм и игрушкам.⁷

В зарубежных и российских архивах и музеях содержатся богатейшие материалы по угорской культуре. Возможно, благодаря политике открытости и предъявлению мировому сообществу архивно-музейных фондов этнографы дождутся их опубликования или сами займутся публикацией. В настоящее время зарубежные и столичные фонды в силу как объективных, так и субъективных причин не торопятся стать «открытыми», а коллекции периферийных музеев и архивов, напротив, не удостоиваются должного внимания исследователей.

Документальный источник дает возможность осуществить этноисторическую реконструкцию и, наоборот, позволяет связать историю с сегодняшней этнографической реальностью. Несколько лет назад в одном из центральных архивов мне попался документ о сыске 1655 г. в Бардаковой волости, который, по тогдашней норме, был заверен «знаменем» «лучшего человека» Капалчи Олчинкова — изображением оленя.⁸ Тот же знак «оленя» к «ревизской сказке» (переписи населения) 1816 г. «за мужски и женски пола ясашных остяков Аганской волости» «по незнанию грамоты, по своему обыкновению приложил» сотник Павел Ляхтин.⁹ Копии этих документов я решила передать в Этнографический

⁶ См.: Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург; Салехард, 2005; Федорова Н. В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 4 (41): Науч.-практ. конф. «Обдорья: история, культура, современность». Салехард, 2006. С. 11–17; Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.

⁷ Перевалова Е. В., Арефьева А. А. Куклы-игрушки Северо-Западной Сибири (археолого-этнографические аналогии) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Ч. 1. Казань; Омск, 2010. С. 241–245; Они же. Игрушки из дерева и кости угров и самодийцев Северо-Западной Сибири (археолого-этнографические аналогии) // Науч. вестн. Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 1 (70): Материалы науч.-практ. конф. «Ямальские гуманитарные чтения». Салехард, 2011. С. 97–100.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Д. 473. Л. 277об., 279об.

⁹ ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 404. Л. 892, 929, 954.

музей под открытым небом с. Варьеган (территория бассейна р. Агана, где находится этот населенный пункт, в XVI — начале XX вв. входила в состав Бардаковой, а затем Аганской волостей Сургутского уезда Тобольской губернии). Каково же было мое удивление, когда от директора музея А. Д. Казамкиной, разглядывающей «знамена», я услышала: «Хороший “олень”, у нас на Агане такого до сих пор две неграмотные бабушки вместо своей подписи рисуют». А затем она показала мне хранящиеся в фондах документы 1940–1990-х гг. с тамгой-оленьем. Более чем четырехсотлетняя история оказалась продолжающейся сегодня.

Письменный источник позволяет воссоздать сценарий реальных событий, а устная традиция сохраняет бытовые и мифологизированные интерпретации. У коренного населения Приобья бытует немало родовых преданий о трагичных событиях 1930-х гг. В архиве Овгорского краеведческого музея хранятся ответы на запросы местных жителей в региональное управление по Тюменской области Федеральной службы безопасности РФ о судьбе репрессированных родственников. Так, в письме-ответе П. И. Тыликову сообщается о подвергшихся одновременному аресту двух десятках хантов и манси рек Сыня, Северная Сосьва и Ляпин. Массовый арест не мог не оставить следа в народной памяти. В бытующих на р. Сыне преданиях рассказывается о схваченных в ходе этой операции шаманах, использовавших свой дар и силу в противостоянии красным репрессиям. Шаманящий на табакерке *Тюпан-ики* из Мувгорта, согласно сохранившимся преданиям, передал арестованному слова богов о планируемой казни и стал организатором попытки бегства. А шаман из рода Талигиных, согласно преданию, во время расстрела «выставил перед собой самого *Кур ил'ни ики*», и бог заслонил его от семи пуль. Когда за беглецом снова пришли конвоиры, родственники спрятали шамана в чуме, забросав женскими ягушками. От этого он свою силу шаманскую потерял, и во время повторного расстрела «*Кур ил'ни ики* от шести пуль его заслонил, а когда седьмая пуля летела, бог чуть-чуть отклонился, и шаман был убит». Одному из сынских шаманов удалось скрыться от преследователей, поднявшись «на небо на лыжах» (ПИМА, р. Сыня, 2009). Имена легендарных шаманов совпадают с именами в списке репрессированных. Трудность в подборе и складывании подобных сюжетных рядов

состоит в том, что дополняющие друг друга материалы чаще всего хранятся в разных архивных и музейных собраниях, а полевая информация собирается по крупицам.

Бурное развитие этнических процессов в России и в мире в целом ставит исследователей перед необходимостью использования новых средств фиксации и презентации различных культур. Эффективным инструментом этнографических исследований, наряду с традиционными средствами, выступает визуализация знаний и практик (например, в фотографиях, видео- и кинофильмах). Уникальным источником для этнографической науки является фотография. Хранящиеся в архивах и музеях фотодокументы вызывают у современных исследователей восторг и умиление, они широко используются в научных публикациях, музейных экспозициях и выставках. Вместе с тем полевые фотоизыскания дают не менее разнообразные и «презентабельные» материалы. Этническая культура является многослойной системой отношений, связей, смыслов, языков выражения. Задача этнофотографии состоит в передаче и осмыслении ее образов. Этнограф и фотограф, при соответствующих навыках и понимании, могут выражать смыслы культуры языком изображения. Проблема чаще всего состоит в том, что этнограф видит культуру, но не умеет фотографировать, а фотограф увлекается экзотикой, не замечая сути и не ощущая связей.

Выполняемый по гранту РГНФ-Урал проект «Идентичность русского и мансийского населения: история и современность» (Ивдельский район, Свердловская область) был нацелен на формирование электронного фотоархива: в 2011 г. акцент делался на выполнение авторских фоторабот, в 2012-м — на сбор фотографий 1930–1970-х гг. Два фотографических временных среза дали не менее убедительную и яркую информацию, чем обычные полевые этнографические записи.

Формат фотодокумента позволил наглядно представить и уходящую традицию, и новацию. На собранных из семейных фотоархивов снимках представлены перешедшие из обыденной жизни ивдельских (лозьвинскопелымских) манси в категорию этнической памяти культурные артефакты — оленья упряжка, берестяной чум и крытое корой жилище, уличная глиняная печь. На этих фотоснимках запечатлены женщины в одеждах старинного кроя и практически забытый про-

цесс выпечки хлеба в песке; здесь же одетый в форму НКВД Степан Куриков по прозвищу Шаман, по рассказам, державший у себя в юртах Суеват-пауль портрет Сталина, что, однако, не мешало ему совершать шаманские камлания и устраивать языческие жертвоприношения.

В 1990-х гг. были утрачены некогда составлявшие основу этнокультурной самобытности народа отгонное оленеводство и связанный с ним образ жизни. В начале «перестройки» была ликвидирована значительная часть колоний Ивдельлага, переход к рыночной экономике привел к закрытию леспромхозов и свертыванию геологоразведочных работ, в результате чего расселенные в труднодоступных местах манси оказались отрезаны от мира: дороги, мосты и связь были разрушены, а снабжение и обслуживание поселений — прекращено. Мансийская семья, оказавшаяся не в состоянии обеспечивать себя пищей, одеждой и транспортом, прозябает в ожидании финансовой помощи от государства. Но этническая позиция ивдельских манси отражена на одном из фотоснимков Анатолия Курлаева: на пепелище мансийских юрт осталась нетронутой огнем только что установленная, новенькая будка таксофона, на которой погорелец Прокопий Бахтияров написал: «С родной земли умри, не сходи!»

К поднятым в дискуссии З. П. Соколовой и А. В. Бауло проблемам об узости источниковой базы и ослаблении кадрового состава этнографов следует добавить вопрос о том, что сегодня изучает этнография и кто является потребителем этнографических знаний. В условиях рыночной экономики от академической науки требуется не знание в чистом виде, а «научная, научно-техническая и практическая ценность результатов». Исходя из этого, этнографические изыскания и проекты должны быть направлены не столько на изучение традиций, сколько на активизацию и продвижение этнокультурного наследия и потенциала разных народов.

На семинаре «Современное положение коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации», проводившемся в ИАЭ РАН по программе Министерства регионального развития РФ (Москва, 10–12 октября 2011 г.), предлагалось внести изменения в 17 федеральных законов в целях совершенствования законодательства в отношении коренных малочисленных народов Севера (далее — КМНС). Исследователи и эксперты оценивают сегодняшнее положение КМНС как «плохое» или

«катастрофическое». Основные их проблемы одинаковы вне зависимости от региона: безработица, низкий уровень жизни и обеспеченность ресурсами, отсутствие транспортной инфраструктуры, слабая доступность медицинского обслуживания, высокая смертность (в том числе от алкоголя, несчастных случаев), снижение занятости в традиционных промыслах, разрушение традиционной хозяйственной деятельности промышленностью, отсутствие условий для сохранения культуры и языка и обучения на родном языке, сокращение численности населения. Несмотря на целевые программы и финансовую помощь, государственная поддержка оценивается как низкоэффективная; причины кроются в несоблюдении прав КМНС на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ, в отсутствии взаимодействия с общественными организациями и населением, в некомпетентности властей, в отсутствии проработанных комплексных программ развития и законодательной базы. Вместе с тем есть регионы с относительно благоприятной законодательной и социокультурной политикой в отношении КМНС. К ним относятся Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ — Югра.

Этнокультурный потенциал коренных малочисленных народов Ямала и Югры рассматривается как стратегический ресурс современного социокультурного развития и выступает одной из основ региональных идеологий. О его политической значимости свидетельствует, например, использование традиционных знаков-символов и орнамента титульных народов в геральдике и официальной символике автономных округов, районных и муниципальных образований. Отметим в этой же связи добавление в 2003 г. в официальное название Ханты-Мансийского округа древнего этноказательного слова «Югра», а также недавнее принятие закона «О празднике и памятной дате Югры» и получение статуса окружного праздника обскоугорским Вороньим днем (хант. *Вурна хатл*, манс. *Уринэква хотал*).

По справедливой оценке А. В. Головнёва, развернувшийся в постсоветское время в РФ процесс регионализации имеет выраженный «туземный акцент»: коренные жители, несмотря на малочисленность, сыграли ключевую роль в развитии нового социокультурного феномена. Отчужденность пришлого населения от традиций коренных северян сменилась культивированием этих традиций как ядра

регионального сознания.¹⁰ Включение этнических компонентов в официальную символику и их имиджевое продвижение нельзя назвать данью моде. Речь идет об актуализации этнокультурных ценностей и интеграции традиционных культурных явлений в новую субкультуру Севера, обеспечении диалога традиционной и новой культур и формировании новой идеологии региона. В связи с предоставлением округам широких полномочий, в том числе и на международной арене, этот факт можно рассматривать и как своего рода трансляцию этнокультурного наследия коренных малочисленных народов в сферу деятельности мирового сообщества. Наблюдается кардинальное изменение в самопозиционировании Ямала и Югры, заключающееся, во-первых, в переходе от идеологии ресурсной периферии к идеологии первенства среди остальных субъектов РФ, во-вторых, в определенном движении от разграничения и противопоставления традиционных и пришлых культур к их конструктивному диалогу.

Для этнической и региональной консолидации важным является возрождение духовной культуры. Красный террор и советская пропаганда оказались неспособными искоренить культово-ритуальные традиции обских угров. Их сохранению во многом способствовала негласно поддерживающая проведение обрядов и ритуалов туземная элита. Рост этнополитической и этнокультурной активности коренных малочисленных народов в постсоветское время сопровождается реставрацией культовых мест и возобновлением ритуальных практик. Инициированный сынскими хантами и сосвинско-ляпинскими манси проект по возрождению обряда «*ийр*» на священном озере Емынглор (Балбанты) (Шурышкарский р-н ЯНАО и Березовский р-н ХМАО) был поддержан губернаторами Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов и представителями КМНС обеих окружных Дум.

Повышение роли этничности и востребованность этнокультурного наследия наблюдаются не только в политике. Стремительно развивающееся branding-движение охватило многие регионы России. Практика создания бренд-проектов — это один из эффективных

способов имиджевого использования этнокультурного наследия. Социальная роль этнобренда состоит в формировании у представителей субкультуры чувства уважения к традициям коренных народов. В свою очередь, корректное использование этнокультурного потенциала приводит к повышению этнической самооценки туземного населения и дает возможность формирования широкого и разнообразного прикладного поля.

Отвечая на запросы рынка, региональный этноресурс должен занять достойную экономическую и социально-культурную нишу. В последние годы политика регионов направлена на развитие въездного туризма. Приоритетным направлением для многих из них становится этнотуризм. Большая роль в его развитии отводится местным музеям.

В условиях рыночной экономики отдельные элементы традиционной культуры становятся средством борьбы за выживание. Пополнение музейных коллекций, реконструкция объектов традиционной культуры, проведение этнических мероприятий, изготовление сувенирной продукции стали статьей доходов коренного населения. Из числа малочисленных народов Севера появляются индивидуальные предприниматели, занимающиеся обслуживанием туристских маршрутов и изготовлением продукции народно-художественных промыслов. Некоторые этнические общины Севера стремятся включиться в процесс создания турпродукта, ориентируясь в основном на создание этностойбищ.

Но усилий малых музеев и этнообщин явно недостаточно для формирования конкурентоспособного турпродукта. Следует подумать о более активном, но корректном, включении этноресурса (в том числе мифологии и культовых практик) в систему региональных ценностей. Задача экспертов-этнографов — собрать имеющиеся практики в общую картину и, исходя из этого, смоделировать ситуацию и дать рекомендации по сохранению и использованию конкретных объектов. Для этого должна быть осуществлена общая инвентаризация регионального этнического ресурса и создана база данных, на основе которой концептуально разработан многоцелевой этнотурпродукт.

Новый вектор движения определяется поиском этнических и региональных идентичностей и культуротворчеством. Он направлен на активизацию и продвижение этнокультурного ресурса, на интеграцию элементов

¹⁰ Головнёв А. В. Народы и границы на Севере Евразии // Материалы Междунар. науч. конф. «Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблема устойчивого развития». Ханты-Мансийск, 23–26 июня 2003 г. М., 2004. С. 123–134.

традиционной и современной культур. Отвечая на запросы общества, этнографическая наука (и угроведение в частности) должна не только разрабатывать теоретические и методологические концепты (и уж тем более не

«грустить» по уходящей традиции), но и активно участвовать в происходящих процессах, предлагая актуальные программы и проекты, направленные на сохранение самосознания и самобытности культур народов России.

Ключевые слова: *обские угры, этничность, традиция и новация, этнокультурный ресурс*

Elena V. Perevalova

Candidate of Historical Science, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *elena_perevalova@mail.ru*

PROBLEMS OF UGRIC STUDIES AND MODERN TRENDS
OF TRADITIONAL CULTURES DEVELOPMENT

The rapid development of ethnic processes in Russia and in the world on the whole pose a need for the researchers to create new and more effective means of recording and presentation of the cultures. A new motion vector is determined by the search of ethnic and regional identities and cultural creativity. It aims to activate and promote ethno cultural resources, to integrate traditional and modern cultures elements. Ethnography (Ugric studies in particular) should develop not only theoretical and methodological concepts, but to participate actively in the ongoing contemporary processes by offering relevant programs and projects aimed at the preservation of ethnic consciousness and originality of the peoples in Russia.

Key words: *Ob Ugric, ethnicity, tradition and innovation, ethnic and cultural resource*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Fedorova N. V. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: sb. nauch. tr.* (Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets autonomous district: collected papers). Salekhard, 2006, Issue 4 (41), pp. 11–17. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Sokhranenie traditsionnoy kultury korennykh malochislennykh narodov Severa i problema ustoychivogo razvitiya"* (Proceedings of the International scientific conference "Preservation of traditional culture of indigenous peoples and the problem of sustainable development"). Moscow, 2004, pp. 123–134. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Istoricheskaya uralistika i rusistika na Urale i v Budapeshte: sb. nauch. tr.* (Historical uralistika and Russian studies in the Urals and in Budapest: collected papers). Budapest: Russica Pannonicana, 2012, pp. 81–108. (in Russ.).
- Kardash O. V. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Izd-vo "Magellan", 2009, 360 p. (in Russ.).
- Kastren M. A. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki, 1999, Vol. 1, 256 p.; Vol. 2, 352 p. (in Russ.).
- Perevalova Ye. V., Arefeva A. A. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy: sb. nauch. tr.* (The integration of archaeological and ethnographic research: collected papers). Kazan, Omsk: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2010, Part 1, 2010, pp. 241–245. (in Russ.).
- Perevalova Ye. V., Arefeva A. A. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga: sb. nauch. tr.* (Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets autonomous district: collected papers). Salekhard, Issue 1 (70), 2011, pp. 97–100. (in Russ.).
- Verbov G. D. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet ethnography), 1936, № 2, pp. 57–70. (in Russ.).
- Verbov G. D. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet ethnography), 1939, № 2, pp. 43–65. (in Russ.).
- Zelenyy Yar: arkheologicheskiy kompleks epokhi srednevekovaya v Severnom Priobe* (Zelenyy Yar: archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob). Ekaterinburg; Salekhard: UrO RAN, 2005, 368 p. (in Russ.).
- Zueva V. F. *Puteshestviya po Obskomu Severu: sb. nauch. tr.* (Travels in the Ob North: collected papers). Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki, 1999, pp. 117–223. (in Russ.).